

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-705-729>
EDN: ННТБWL

Научная статья / Research Article

Санкционная политика государства: историко-правовой обзор

А.А. Малиновский¹, Е.Н. Трикоз^{1,2,3}

¹Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация;

³Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация
alena_trikoz@mail.ru

Аннотация. В санкционную практику современных государств приводятся все более изощренные способы политических, экономических, торговых, организационных и юридических ограничений, которые составляют институциональную стратегию разновекторного воздействия на «государство-мишень». Необходимой частью механизма осуществления внешних функций защищающегося суверенного государства становится особый правовой институт контрсанкционных мер и инструментов ответной санкционной политики. Множественность санкционных ограничений и появление гибридных ограничительных мер придают особую значимость разработке эффективного санкционного законодательства на уровне отдельных государств и международных организаций. Целью является исследование нормативных правовых основ санкционной политики государств в их исторической ретроспективе. Применяется сравнительно-правовая методология, формально-юридический анализ и историко-теоретическое описание процессов формирования классических ограничительных и карательных санкционных мер. Полученные выводы показывают, что санкционная стратегия государств постепенно трансформируется в сторону расширения перечня методов ее реализации (в виде секторальных санкций, замораживания активов, санкционных списков, отслеживания торговли с врагом, контроля контрабанды и теневого флота, экстерриториального воздействия на нейтральные страны, «контролируемого технологического отставания», применения «морального эмбарго», и др.). Авторы заключают, что так называемая «война санкций» стала закономерным результатом реализации на практике контрсанкций как ответных мер государства и международного принципа взаимности.

© Малиновский А.А., Трикоз Е.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: санкции, репрессалии, эмбарго, рестрикции, морская блокада, черные списки, ограничительные меры, законодательство о санкциях, контрсанкции

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Малиновский А.А. – введение, общий обзор, раздел 4 и заключение; Трикоз Е.Н. – анализ и научная проработка материалов (разделы 1–4).

Поступила в редакцию: 15 декабря 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Малиновский А.А., Трикоз Е.Н. Санкционная политика государства: историко-правовой обзор // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 705–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-705-729>

State sanctions policy: Historical and legal review

Aleksey A. Malinovsky¹, Elena N. Trikoz^{1,2,3}

¹MGIMO University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

³Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

alena_trikoz@mail.ru

Abstract. The sanctions practice of modern states is introducing increasingly sophisticated methods of political, economic, trade, organizational and legal restrictions, which constitute an institutional strategy of multi-vector impact on the "target state". A special legal institution of counter-sanction measures and instruments of the corresponding sanctions policy is becoming a necessary part of the mechanism for implementing external functions of the defending sovereign state. The multiplicity of sanctions restrictions and the emergence of hybrid restrictive measures give special significance to the development of effective sanctions legislation at the level of individual states and international organizations. The purpose of this article is to study the normative legal foundations of the sanctions policy of states in their historical retrospective. This article applies comparative legal methodology, formal legal analysis and historical and theoretical description of the formation of classical restrictive and punitive sanctions. The final conclusions show that the sanctions strategy of states is gradually being transformed towards expanding the list of methods for its practical implementation (in the form of sectoral sanctions, freezing of assets, sanctions lists, tracking trade with the enemy, control of smuggling and shadow fleets, extraterritorial influence on neutral countries, "controlled technological backwardness", application of "moral embargo", etc.). The authors summarize that the so-called "sanctions war" has become a natural result of the introduction of counter-sanctions in practice as retaliatory measures of the state and the international principle of reciprocity, which means the right to equality and mutual respect between states.

Key words: sanctions, reprisals, embargoes, restrictions, naval blockade, blacklists, restrictive measures, legislation on sanctions, counter-sanctions

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Malinovsky A.A. – introduction, general overview, section 4 and conclusion; Trikoz E.N. – analysis and scientific study of materials (sections 1–4).

Received: 15th December 2023

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Malinovsky, A.A., Trikoz, E.N. (2024) State sanctions policy: Historical and legal review. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 705–729. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-705-729>

Введение

В отечественной историографии историко-правовая проблематика санкционной политики государств представлена в недостаточной степени. Настоящая статья с целью восполнить имеющийся пробел в научно-исследовательской литературе посвящается осмыслению исторического опыта правового регулирования *санкционной политики* государств и ретроспективному сравнительно-аналитическому изучению феномена *государственных санкций*.

Под санкционной политикой авторы понимают деятельность государства, направленную на создание и применение различного рода экономических, политических, юридических ограничений в отношении другого государства (его органов, должностных лиц, граждан, общественных объединений, торговых и производственных предприятий) с целью его принуждения к изменению своих геополитических, военных, экономических или социально-культурных приоритетов.

С историко-теоретической точки зрения проведение санкционной политики признается важнейшим этапом эволюционного механизма осуществления внешних функций государства и юридических способов их регламентации. Санкционная политика как способ как военного и невоенного противоборства государств исторически представляла собой наложение на «виновное государство» различного рода санкций (лат. *sānctio* – «нерушимый закон, строжайшее постановление»; от *sānctus* – «освященный; нерушимый, незыблемый»).

Поскольку применяемые санкции выступали официальным выражением воли конкретного государства, то они, как правило, получали свое юридическое оформление и нередко обретали подробную правовую регламентацию и практику юридического оспаривания. И если в эпоху Античности санкции налагались посредством, как правило, устного распоряжения главы государства (тирана, диктатора, вождя), а в Средневековье и Новое время при помощи кратких указов и ордонансов, то в Современную эпоху санкционные меры уже детально прописываются в законах, за соблюдением которых следят контрольно-надзорные органы, комитеты и комиссии, или даже специальный санкционный омбудсмен. При этом если «в незапамятные времена» санкционные указы нельзя было опротестовать, то в настоящее время практически любые санкции можно обжаловать в судебном порядке в инстанциях национальной или международной юрисдикции.

В настоящем исследовании авторы попытались в избранных образцах, не претендуя на всеохватывающее комплексное изучение санкционного феномена, проиллюстрировать на отдельных исторических примерах опыт внедрения и применения санкций на разных этапах становления мировой практики санкционного воздействия.

Историко-правовой анализ системы классических санкционных мер

Одно из первых свидетельств санкционной политики можно обнаружить в *Древнем Египте*. Приведем лишь один частный пример. Так, перед началом

завоевательных походов фараон Аменхотеп II принял указ 1448 г. до н.э., на основании которого было впервые применено негласное ограничение торговли зерном в Сирии, прежде чем египтяне перешли к военным действиям на ее территории (Naguchev & Bolik, 2018:250).

Далее *греко-римский период* демонстрирует нам первые попытки экономического давления на недружественные полисы. Эта тактика нередко сопровождалась открытым или косвенным политическим вмешательством в торговый оборот и коммерческие связи. Практика ответных мер и санкций получила популярность в античном Средиземноморье, так как была направлена против собственности или личности иностранного должника или его сограждан, при отсутствии ранее заключенных специальных соглашений об обратном, например, направленных на предоставление убежища или иммунитета.

Зародившийся в античном мире институт *принудительных мер* экономического и политического характера стал обозначаться латинским словом *репрессалии* (старолат. *repressaliae* – останавливать; лат. *reprehendere* – сдерживать). Первоначально этот термин использовался для обозначения права насильно отбирать то, что было необходимо для возмещения понесенного ущерба. Репрессалии предполагали применение принудительных, как правило, конфискационных мер одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства, с целью заставить его прекратить вредоносные действия и выплатить компенсации.

В качестве примера экономических санкций в форме репрессалий приведем *Мегарский указ*, принятый местной эkkлeсией в форме *псефизмы*¹, внесенной по инициативе афинянина Перикла ок. 433/432 г. до н.э. и направленный против полиса Мегары на побережье Коринфского перешейка (Pericles, 1973; Simons, 1999). Исследователи признают этот документ первым в мировой политике письменно зафиксированным наложением экономических санкций в качестве элемента принуждения (Ternovaia, 2015).

Незадолго до принятия *«Мегарской псефизмы»* афиняне стихийно, в форме бойкота начали избегать покупок мегарских продуктов в своем городе, применяя ограниченное *эмбарго*. Это было сделано в ответ на то, что мегарцы поддерживали беглецов из Афин, укрывали сбежавших рабов, убийство афинского глашатая на их территории, а также возделывали священные земли в Элевсине, принадлежавшем Афинам и находившемся на границе с мегарским полисом (MacDonald, 1983; Strogetsky, 1984). По мнению афинян, их соседи своим поведением нарушили заповедь того, что «святая земля не должна возделываться», и при этом не обсуждали вопрос о спорной территории (Andokid, 1996:8). В самом Мегарском указе были наложены ограничения на купцов из полиса Мегары и запрет на доступ к любым афинским товарам, а также посещать рынки по всей Аттике или заходить на кораблях в порты Афинского морского союза (Stadter, 1984). Наложённый запрет на поставку зерна и других продуктов угрожал фактически голодом Мегаре, не имевшей своих пахотных угодий. Фактически была объявлена морская *блокада*, которая привела

¹ *Псефизма* (др.-греч. *ψήφισμα* – решение) – правовой акт, который принимался в народном собрании (эkkлeсии) или буле путем голосования с помощью керамических кружочков – *псеф*, но в отличие от ординарного закона-*номоса* и акта-*пробулемы* применялась в конкретной ситуации и к определенному кругу лиц, будучи обязательной на протяжении одного года и с возможностью продления (кассирования) другой псефизмой (Quaaf, 1971).

к быстрому разрыву торговых отношений². Так, поэт Аристофан в своей антивоенной комедии «Ахарняне» упоминал Мегарский указ как один из самых ранних примеров *торговых санкций*, которым афиняне заблокировали экономические связи купцов из Мегары: «И вот Перикл, как олимпиец, молнии – и громы мечет, потрясая Грецию. – Его законы, словно песня пьяная: «На рынке, в поле, на земле и на море – Мегарцам находится запрещается» (Aristophanes, 1983:33–34).

Важной особенностью Мегарского указа стало включение отдельным блоком предписаний о наложении наказаний на тех, кто нарушит эмбарго на рынках или незаконно способствует транзитной торговле продуктами из Мегарида в портах, включая порты городов – бывших колоний мегарейцев, таких как Византия и Халкидон (Naguchev & Bolik, 2018:250–252). По некоторым данным, любой мегарец, оказавшийся под юрисдикцией того или иного полиса Афинского морского союза, должен был подвергнуться судебному преследованию и выплачивать большой штраф в казну.

Продемонстрированная Афинами санкционная политика создала наколенную обстановку и экономический коллапс, что уже через год привело к затяжной Пелопонесской войне (431–404 гг. до н.э.) и распаду Афинского союза. В этом историческом контексте торгово-экономические санкции рассматриваются как *предвоенный маркер*, который может иметь обоюдоострые последствия и для государства, изначально наложившего санкции (Surikov, 1997:87–90).

Античные полисы знали и собственно *военные репрессалии*, применение которых подлежало четкому правовому урегулированию в соглашениях между полисами. Они использовались в качестве силовых мер наложения ответственности на нарушившего обязательства политического субъекта. Один из примеров договорного регулирования санкций и репрессалий имел место в 450 г. до н.э. В то время два греческих полиса Эантэя (др.-греч. *Οἶάνθεια*) и Халео (др.-греч. *Χαλεῖόν*) заключили договор о применении репрессалий к судам в открытом море и о запрете их в пределах сухопутных границ и портах. Возможные споры о нарушении этого договора должны были решаться путем выплаты штрафов, взыскания имущества или судебного разбирательства, о чем содержались предписания в самом договоре.

Приведем практический пример из истории войны между Спартой и Афинами, где был случай применения репрессалий в 423 г. до н.э., который однако был недолгим. Оперативно стороны конфликта договорились об отказе дальнейших репрессалий и заключили особое соглашение: «Вам следует предоставить нам *сатисфакцию*³ и нам следует предоставить вам сатисфакцию, и согласно с обычаями наших предков решить наш спор при помощи арбитража без применения военной силы» (Butkevich, 2008).

В античности *коллективные санкции*, наложенные на недружественный полис или отдельную общину, выражались в основном в применении *репрессалий*. Незаконными силовыми методами считались каперство, пиратство и бандитизм, а вот репрессалии (*syle*) признавались у греков разновидностью законного применения силы. Они имели целью получение сатисфакции или взыскание долга с другого лица или государства, действовавших незаконно (Butkevich, 2008).

² Кембриджская история Древнего мира / под ред. Дж. Бордмэна и Н.-Дж.-Л. Хэммонда; пер. с англ.; под ред. Д.-М. Льюиса и др. М.: Ладомир, 2014. С. 470–472.

³ Под *сатисфакцией* в данном случае следует понимать возмещение причиненного ущерба и принесение извинений за совершение противоправных действий.

Яркую иллюстрацию репрессалий дает вооруженный конфликт ахейцев и беотийцев, в ходе которого глава Ахейского союза стратег Филопемен (253–183 гг. до н.э.) издал указ о праве наложения репрессалий на противника в виде взыскания и изъятия беотийского имущества, в дополнение к полученной военной добыче. Как описывал этот документ историк и военачальник Полибий, тем самым было «дозволено всякому желающему идти за добычей на беотян». Когда ахейцы начали уводить у беотян целые стада в качестве репрессалий, лишь вмешательство Мегар положило конец этим мерам (*Polyb.*, XXII, 4, 17). «Филопемен предоставил всем истцам право использовать беотийское имущество, что привело к крупной ссоре между этими народами. ...После передачи Делоса Афинам, римляне приказали делийцам убираться с острова, забрав с собой свое личное имущество, переселиться в Ахею и становиться ахейскими гражданами, поскольку судебный процесс, начатый ими против афинян, должен отвечать положениям конвенции, заключенной между Афинами и Ахеей. Когда ахейцы начали отказываться от своих обязательств по этой конвенции, тогда делийцы стали требовать права на применение *репрессалий* против афинян» (Grewe, 1988:79–80).

В античный период санкции могли накладываться *третейские органы* от имени межполисных союзов – т.н. *амфиктонии*, которые изначально создавались с религиозно-обрядовыми целями для «смягчения ужасов войны». Суд амфиктоний рассматривал споры из нарушений обязательств между участниками союза, с участием представителей разных полисов, приглашенных на основе специальных декретов (Giovannini, 1993:276). В случае упорного нежелания покориться требованиям арбитражного суда могли применяться против таких непокорных полисов принудительные меры, включая *военные репрессалии* и объявление «священной войны» (Mitina, 2008:38–40). Так, в 383 г. до н.э. спартиаты, нарушив священное перемирие, захватили фиванскую крепость Кадмеи, за что *амфиктоны* наложили на них штрафные санкции, а затем после отказа выплачивать их были по решению амфиктионии вовсе исключены из союза.

Античный механизм *арбитража* регулярно использовался как средство навязывания воли и давления на другие государства. Могущественная Македония выдвинула своего царя Филиппа II как наиболее влиятельного политика во всем Эгейском бассейне в качестве судьи Дельфийско-фермопильской *амфиктионии*. Здесь он стал единственным арбитром в решении межполисных конфликтов, добивавшись создания общегреческой федерации во главе с Македонией. Как следствие все споры между членами этой федерации рассматривались судом амфиктионов, председателем в которых был сам Филипп (Mikhailovsky, 1963:10–14).

Значительный опыт наложения санкций и иных мер внешнего экономического давления на недружественных соседей накопили и в Древнем Риме. Консулы и преторы использовали *репрессалии* изначально лишь в рамках норм *jus gentium*, как особую форму карательных действий, направленных против иностранных общин, не выполнявших свои обязательства перед Римом (Khlevov, 2005). Так, римское правительство ввело торговое *эмбарго* в отношении общины галлов в 232–225 гг. до н.э., когда было запрещено кому-либо, включая неримских граждан в третьих странах, покупать или продавать золото или серебро у галлов⁴.

⁴ Термин «эмбарго» (исп. *embargo*) означает наложение запрета или арест, и имеет два основных значения. Первое включает ситуации государственных запретов захода в порты страны судов, которые

Средневековый опыт частных санкций и институализация практики репрессалий

Следующий этап в истории *правового регулирования санкций* приходится на эпоху Средневековья. Этот институт нашел частичное закрепление в раннесредневековых соглашениях. Одним из таких был заключенный в 836 г. Пакт между князем южно-итальянского (лангобардского) княжества Беневенто Сикардом и герцогом Неаполитанским епископом Иоанном. В нем было закреплено положение, согласно которому, в случае отказа вершить правосудие местным судьей (лат. *iudex loci*), потерпевшая сторона может взыскать *компенсацию* по территориальному принципу (лат. *de loco ubi causa quaeritur*).

Более четко *институт репрессалий* был закреплен в Договоре 888 г. между Венецианским дожем Пьетро Трибуно и Фриульским маркграфом Беренгаром I в Итальянском королевстве, где по той же формулировке, что и в вышеупомянутом пакте, признавалась возможность кредитора в случае отказа ему в судебной защите получить разрешение органа юстиции своей страны на репрессалии с подданного другой страны, в которой иск был безуспешно возбужден против должника и не было получено защиты местного суда (Norwich, 1982). Позднее этот же самый Венецианский дож Трибуно заключил отдельное Соглашение 891 г. с императором Запада Гвидо Сполетским, где тот частично признавал необходимость закрепления по просьбе послов дожа более эффективных процедур на случай спора о венецианской собственности, а также закрепил за дожем право преследовать санкциями своих собственных граждан, укрывавшихся за границей⁵.

В период зрелого Средневековья продолжала расширяться практика репрессалий, эмбарго и других форм *экономических санкций* с целью принуждения к соблюдению договорных обязательств. Главным образом она была направлена персонально на защиту определенных *христианских меньшинств* (Alexander, 2009:9). В этом свою роль сыграла Римско-Католическая церковь, которая активно применяла санкционные меры и репрессалии от имени Папского государства. В их числе, например, ограничение прав мусульманской общины и выходцев из Арабского Востока. В частности, был введен санкционный запрет на продажу кораблей, оружия, боеприпасов и других товаров из арабского региона.

В период Крестовых походов ограничения торговли европейских купцов некоторыми товарами стали средствами реализации санкций, так как им запрещалась продажа нехристианам и язычникам оружия, доспехов и др. Такая практика была официально признана актом *Латеранского собора* в 1179 г.: «*Жестокая алчность настолько овладела сердцами некоторых людей, что, хотя они и именуют себя гордым именем „христиане“, снабжают сарацин оружием и ... всем необходимым для нападений на христиан... Поэтому мы объявляем, что такие люди будут отлучены*

принадлежат другим государствам, или выхода из своих портов судов иных государств. Широкое распространение такое понимание эмбарго получило в XIX в., в период распространения морских блокад с целью оказания влияния на политику другого государства. Современными примерами действующих эмбарго такого рода являются: запрет на заход в порты США судов, перевозящих продукцию с Кубы и на Кубу (с 1996 г.); запрет на заход в порты Турции судов Республики Кипр (с 1974 г.) и др. Во втором случае эмбарго – это запрет непосредственно государством или группой стран экспорта или импорта различных товаров (Busheneva, 2015:17–27).

⁵ Pozza M. Tribuno, Pietro. *Dizionario Biografico Degli Italiani*. Roma, Istituto della Enciclopedia italiana. 2019.

от церкви, их имущество должно быть конфисковано, а если они сами будут схвачены, они станут рабами тех, кто их захватил»⁶. Хотя римские папы нередко продавали разрешения итальянским и другим городам на запрещенную торговлю с мусульманами (Sheinman, 1959:47).

Другое направление развития института репрессалий в средневековый период было связано с применением особого механизма светской юрисдикции, посредством которого кредитор, не сумевший добиться всеми мирными путями от своего иностранного должника исполнения обязательств по сделке, мог получить от своего муниципалитета привилегию письменно подтвержденных репрессалий (Strupp, 1925). Такие документы в разное время могли называться сначала как «*litterae repressaliarum*», «*cartae repressaliarum*», «*pignorationes*», а позднее как «*ius marchium*» и «*lettres de marque*» (Mas Latrue, 1875; Walker, 1899). Ссылаясь на подобное разрешение о репрессалии, кредитор или истец мог впоследствии преследовать неоплатного должника за пределами своей юрисдикции либо же при его безвестном отсутствии предъявить регрессное требование муниципалитету должника или его согражданам (Lafargue, 1898).

Со временем упоминания о таких ответных мерах становятся все более многочисленными и прямо закрепляются в местном законодательстве. Так, вышеупомянутые «письма о репрессалиях» (итал. *lettere di rappresaglia*), выдаваемые от имени муниципалитета, можно найти в «Статутах Пизы» 1160 г. под названием «*lausum*», или же разрешительные грамоты «*lettres de marque*» в кутюмах Франции (Bonaini, (ed.), 1854). В документе пизанских консулов 1164 г. содержится описание процедуры, согласно которой каждый гражданин Пизы, открыто лишившийся своего имущества в чужой стране и имевший неудачный опыт запроса судебной защиты с целью возврата изъятой собственности, получал от своих городских консулов разрешение на *recolligere suum*, то есть право воздавать должное, «отомстить согражданам неоплатного должника в чужом городе или стране» (Guarini, 1910).

В некоторых средневековых городах были учреждены даже специальные магистраты, называемые, например, в Болонье «*послы репрессалий*», которые должны были выезжать за пределы страны с целью нахождения и взыскания компенсации, требуемой по заявлению горожанина против его злостного должника, родом из другого муниципалитета или страны (Brière, 1928). Сначала муниципалитет, к которому принадлежала потерпевшая сторона, отправлял соответствующее «письмо о репрессалии» и восстановлении справедливости в другой муниципалитет или же отсылал своего гонца для установления факта отказа в правосудии. Если подтверждалось, что дело требует введения репрессалий, то они официально провозглашались против того муниципалитета, на территории которого суд отказал в защите потерпевшей стороне / истцу, либо же против любого горожанина или жителя сельской местности того же городского округа.

Репрессалии могли быть наложены на имущество и активы, но в некоторых случаях разрешалось также заключать в тюрьму; при этом потерпевшая сторона должна была уведомить свой муниципалитет об изъятых активах, чтобы тот зарегистрировал их в специальном реестре. Если в течение определенного времени не поступала компенсация или выкуп от должника или от его муниципалитета, то местный подеста продавал изъятые товары с аукциона и на вырученные деньги возмещал ущерб

⁶ Third Lateran Council, 1179 A.D. Papal Encyclicals. Council Fathers.

своему согражданину. В обоих случаях репрессалии вычеркивались из специальной книги муниципалитета, в которой обычно отмечалось их предоставление в форме *lettere di rappresaglia*.

В некоторых наиболее крупных муниципалитетах был введен специальный *магистрат*, который руководил назначением репрессалий и контролировал их применение. Так, в Венеции в XIV–XV вв. действовала коллегия по репрессалиям во главе с самим дожем; то же самое имело место в Болонье и Флоренции. Хотя что касается Болоньи, то еще Фридрих Барбаросса своей хартией под названием *Authentica «Habita»* 1158 г. даровал студентам и профессорам Болонского университета особую привилегию, освободившую их от практики взыскания репрессалий или наложения санкций (Pertz, 1837:249). Другая подобная привилегия по защите от репрессалий была распространена на паломников, направлявшихся к святым местам; также были исключены из практики репрессалий послы и дипломатические агенты.

В отдельных государствах с действующим парламентом, в которых коммуны и феодалы подчинялись высшему князю или правителю, последний должен был получить *соглашение парламента* в каждом конкретном случае расправы над подданными других сеньоров или репрессалий против коммун и муниципалитетов. Так действовал, например, фриульский парламент, когда в период своего максимального могущества в XIV–XV вв., выпустил резолюцию о репрессалиях, налагаемых от имени герцога-патриарха Аквилеи⁷.

Однако, в связи с активным развитием средневековой торговли, ростом городов и расширением королевств вместе со стремлением привлечь в свои страны больше купцов, паломников и других податных слоев населения, было принято решение постепенно *отходить от практики репрессалий* и иных санкций.

К концу XIV–XV вв. еще более обострилась реакция на применение репрессалий, о чем свидетельствует умножение договоров между государствами, которые взаимно обязывались исключить практику санкционных мер из своих взаимоотношений. Так, в 1531 г. швейцарские протестантские кантоны во главе с Цюрихом запретили продажу некоторых товаров (муки, соли, железа и вина) католическим кантонам, потому что те нарушили свои обязательства по Каппельскому договору (*First Kappel Peace Treaty*) 1529 г. относиться терпимо к протестантскому меньшинству. Это спровоцировало гражданскую войну, кульминацией которой стало подписание Второго Каппельского договора 1531 г., восстановившего некоторые религиозные свободы в швейцарских кантонах как для католиков, так и для протестантов, и отменившего эмбарго на запрещенные к продаже товары (Bader & Bangerter, 2001:18–20).

В то же время в Англии при Тюдорах была впервые опробована *новая форма репрессалий* – ведение «черных списков». Так, английская идиома «черный список» зародилась от близкого понятия *black book* (англ. «черная книга»). При дворе короля Генриха VIII Тюдора стали составлять списки подлежащих санкциям лиц и учреждений (Терновава, 2015:119). Специальные придворные чиновники из рыцарского «Ордена подвязки» (англ. *Order of the Garter*), основанного еще в 1348 г., вели особую

⁷ Это было одно из церковных государств Священной Римской империи – Патрия-дель-Фриули, которая в 1420 г. приобрела Венецианская республика, но некоторое время архиепископство продолжало управляться по своим собственным законам и обычаям, в числе которых *Constitutiones Patriae Foriulii* 1355 г., основной закон Фриульского архиепископства вплоть до падения Венецианской республики в 1797 г. (Foligno, 1922).

«черную книгу» (*Liber Niger*) в черном бархатном переплете⁸, где содержался не только тексты статутов и отчеты ордена, но и список с именами и названиями тех, кто должен быть наказан и подвергнут санкциям за свои греховные проступки (Mertes, 1981:29–39).

Этот список был начат в 1534 г. регистром Ордена Р. Олдриджем, который включил в него материалы из первого известного реестра (*Registrum ordinis Chartaceum*), и продолжал затем вести «Черную книгу» до 1551 г. В частности, в черный список включались якобы «согрешившие» английские монастыри, а на самом деле это могли быть высокопоставленные лендлорды или монастыри, чьи земли король хотел приобresti в свой домен в качестве репрессалии⁹.

Таким образом, в средневековый период получили распространение репрессалии как *невоенные принудительные меры*, выдача разрешений на применение которых рассматривалась в качестве атрибута политического суверенитета средневекового города / муниципалитета / территориального образования. Первоначально репрессалии имели частноправовой характер, отражая саму суть зарождающихся международных отношений того периода. Эти меры принуждения были следствием средневековой *концепции правосубъектности* муниципалитета, сеньории или княжества, которую четко не отличали от правосубъектности населявших их граждан или подданных. Отсюда возможность применять репрессалии как ответной меры к любому подданному муниципалитета, отказавшего в правосудии.

В таких условиях было затруднительно четко отличить состояние мира от состояния войны при отсутствии устоявшихся международных правил наложения принудительных мер. Если одно территориальное образование отказало в правосудии подданному другой страны, запросившему судебную защиту, то возникало состояние враждебности между обеими территориальными общинами. Из этого контекста оправдывали *нанесение ответного удара* любому члену муниципалитета / княжества.

К тому же в средневековый период большинство государственных образований использовали *практику протекционизма*, поэтому экономические меры были вполне агрессивно направлены на защиту внутригосударственной торговли (Dzhivelegov, 1902:156). В итоге большинство уставов городов и двусторонние договоры государств содержали в себе положение о практике репрессалий и ответных принудительных мер (Nys, 1894:64).

Постепенно репрессалии теряли свой мирный характер как *невоенные санкции*, особенно когда стали регулярно применяться в качестве мер давления в военное время, такие как долгосрочная осада города или использование голода осажденных.

Наиболее ранний случай, когда укрепленный город был вынужден сдаться под давлением ситуации с истощенными запасами продовольствия, произошел с французским городом Руаном в 1144 г. Сдача этой столицы Нормандского герцогства графу Анжуйскому Жоффруа (Готфриду) стала возможной именно по этой причине. Немного позднее его сын, следующий английский король Генрих II Плантагенет, вынудил другой французский город Доль в герцогстве Бретань также сдаться по

⁸ Латинский термин «*Liber*» использовался либо в интеллектуальном контексте («работа, труд»), либо в кодикологическом смысле («кодекс, переплет»), когда речь шла о черном цвете переплета книги, что было достаточно распространенным явлением в средние века (известно о Регламенте «Черная книга Эдуарда IV», «Черной книге Казначейства» и др.) (Bacaldina, 2016).

⁹ Ammer, Ch. (ed.). The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston, MA. 1997. pp. 11.

причине нехватки провизии, так как англичане использовали свои войска для блокировки французам всех путей снабжения города (Bradbury, 1992:83).

Все более регулярно воюющие государства стали использовать *тотальное эмбарго*, направленное на то, чтобы поставить противника в положение просящего пощады. Эта военная *тактика по изоляции* противника, совмещенная с экономическими санкциями на пути доставки по морским путям, получила название *морской блокады*¹⁰. Одной из успешных блокад можно назвать действия голландцев против испанцев, оккупировавших Фландрию в ходе морской блокады в 1581 г. (Kolodkin, 1963:64).

В средневековый период не было четких международно согласованных правил или межгосударственных соглашений о применении таких мер военной тактики, как использование *блокады или голода*. Это было связано с развитием практики частных войн, торгового и морского эмбарго, принципа солидарной ответственности и т.п. Определенное движение по *ограничению голода* как военной меры начинается в классический период развития международного права. Но фактически лишь в современный период концепция «*гуманитарной помощи*» встала на пути применения тактики голода, признав его незаконным инструментом ведения войны, и ограничила основания торгового эмбарго как меры санкционного давления¹¹.

Политика *средневековых репрессалий* была предопределена относительной слабостью государственного аппарата, неспособностью эффективно осуществлять правоохранительные и правосстановительные функции на международной арене. Именно этим было обусловлено зарождение *института флибустьерства*¹², в рамках применения которого государства юридически дозволяли или прямо управомачивали пиратов (флибустьеров, корсаров и др.) заниматься легализованным морским разбоем и грабежом приморских городов иностранных государств. Средневековые *акты о репрессалиях* (фр. *lettres de marque / de represailles*) могли равнозначно трактоваться не только как разрешение на частноправовые репрессалии, но и как *патент на каперство* во время морской войны, например. Тем самым косвенно проводилась санкционная политика в отношении кораблей «недружественных стран» и их прибрежных территорий. Участники этой политики – каперы и арматоры были обязаны вносить залог на случай уплаты государством убытков за незаконное ограбление нейтральных судов.

¹⁰ *Морская блокада* – это особый вид военных действий на море, посредством которого воюющие державы перегораживают своим флотом порты, заливы, реки и моря неприятеля для того, чтобы голодом и недостатком припасов принудить к сдаче определенной территории или пункта, или для удержания в блокируемом пункте военных судов неприятеля, с целью прекращения морской торговли противника и усиления недовольства среди приморского населения. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1891). С.-Петербург : Семеновская типолитография. Т. IV (7).

¹¹ Ethiopia. Food as a Weapon of War; Aid from Western Donors Key to Course of Conflict. The Washington Post. 24th December 1987.

¹² Термин «*флибустьер*» произошел от искаженного голландского слова *vrijbuitter* (англ. *buccaneer*) и затем был заимствован в испанском языке как *filibustero* и во французском как *flibustier*, первоначально относящийся к пиратам, которые вторглись в Карибское море между Кубой и Никарагуа примерно между 1680 и 1800 гг. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1891. С.-Петербург : Семеновская типолитография. Т. IV (7).

Санкционная политика государств в эпоху Нового времени и начало опыта «санкционных войн»

Постепенно к XVII–XVIII вв. практика *частных репрессалий* исчезает в Европе, и утверждается принцип, согласно которому государство должно справедливо относиться к иностранцам и предоставлять им защиту на основе *режима взаимности* так же, как и своим собственным гражданам. Репрессалии приобретают *государственный* характер, а право на их применение перешло исключительно к государству и применительно к другим государствам, а не частным лицам. Эта тенденция стала «прямым следствием взгляда на войну как вооруженное столкновение государств, а не частных лиц» (Рихтер, 1895:181).

В Российской империи первую «санкционную войну» начала императрица Екатерина II против революционной Франции. В ответ на казнь короля Людовика XVI Бурбона был издан Именной указ от 8 февраля 1793 г. об отзыве российских дипломатов и высылке из России всех французов, если те не примут специальной присяги об отказе «от революционных правил, во Франции распространившихся», и о полном разрыве с Францией торгово-экономических связей: «1. Действие торгового договора между Нами и покойным Королем Французским Людовиком XVI ...до эпохи восстановления порядка и власти законной во Франции прекратить. 2. До того же времени запрещается впускать в порты Наши на разных морях находящиеся суда под флагом национальным французским; равным образом запрещается и нашему купечеству, и хозяевам кораблей посылать торговые их суда во французские порты. 3. Бывших Французских Консулей и прочих к сим принадлежащих выслать из обеих столиц наших и из прочих мест, где они находятся... 10. Всем подданным нашим запрещается ездить во Францию, или же иметь, какое бы то ни было, сообщение с Французами. 11. Запрещается ввозить в Россию ведомости, журналы и прочия периодическая сочинения, во Франции издаваемая»¹³.

В другом своем Именном указе от 17 февраля 1793 г. Екатерина II призывала по сути к «импортозамещению», полностью запрещая торговлю французскими товарами: «Мы почитаем за нужное пресечь ввоз в Империю нашу французских товаров и торг оными тем более, что большая часть из них служат единственно к излишеству и разорительной роскоши, другие же могут заменены быть продуктами и рукоделиями как собственными Империи нашей, так и доставляемыми из иных мест...»¹⁴. Эти антифранцузские санкции затронули более широко любые мануфактурные товары, откуда бы они ни завозились в Россию, так как отныне на них требовалось получение у российского консула письменного свидетельства о происхождении товаров. Выявленную «санкционку» надлежало незамедлительно «истреблять», и эта процедура применялась вплоть до самой смерти императрицы в 1796 г.¹⁵

¹³ Режим доступа: <https://base.garant.ru/58105700> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁴ Именной указ от 17 февраля 1793 г., данный Действительному Тайному Советнику Графу Безбородко и правящему должность Генерал-Прокурора «О запрещении ввоза в России Французских товаров». Текст доступен по веб-адресу: <https://base.garant.ru/58105702> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁵ Ворошилова С. Не война и не мир: краткая история экономических санкций – от Пелопоннесской войны до эмбарго Джефферсона // НОЖ. 26 апреля 2022.

Таким образом, в рамках *санкционной политики* своими указами Екатерина II юридически запретила в России «все французское», дала правовую оценку нарушениям монархического правопорядка, чем манифестировала по сути «культуру отмены» революционной Франции на территории Российской империи¹⁶.

Ее сын, император Павел I Петрович, магистр Мальтийского ордена, в ответ на блокаду Мальты англичанами и с учетом государственных интересов наложил в 1801 г. в качестве своеобразной санкции арест на все английские корабли и блокировку их товаров в русских портах. Он издал распоряжение о полном запрете любых торговых отношений с Великобританией. Несмотря на попытки наших купцов через Пруссию тайно поставлять англичанам важные для них товары (зерно, лес, пеньку и др.), маниакальное желание императора не допустить английскую торговлю фактически превратило нашу страну в закрытую экономическую зону. Так, в своем новом Указе Павел I предусмотрел, «чтобы из российских портов и пограничных сухопутных таможен и застав никаких российских товаров выпускаемо никуда не было без особого Высочайшего повеления»¹⁷.

Англия в свою очередь в этот период обострения отношений с Россией попыталась подавить французскую торговлю и экономику в целом. Блокада французских портов перекрывала перемещение продовольствия и товаров, что привело к обесцениванию местной валюты. В ответ на британские санкции французы применили ряд инноваций, в частности, путем местных товаров заменили ранее импортируемые сахар, соду, оружие и др.

Британская метрополия активно проводила санкционную политику в отношении своих Североамериканских колоний. Так, колонисты в ответ на английский «Закон о гербовых марках» 1765 г. запретили выгружать английские товары в местных портах (O'Brien, 1997:40–46). Британское правительство приняло одиозный «Закон Таунсенда» об обязательной оплате службы приезжих британских губернаторов и судей, в ответ на что колонисты снова объявили бойкот английским товарам.

Это в конечном счете привело к печально знаменитому «Бостонскому чаепитию» 1773 г., с последующим полным уничтожением грузов с английским чаем (Miller, 1962:109–115). В ответ на этот бойкот парламент Великобритании принял своего рода «санкционный пакет» из пяти законодательных актов, который получил название «Невыносимые законы» (англ. *Intolerable acts*). Данные акты регламентировали режим *морской блокады* порта в г. Бостон, а также существенно ограничили полномочия американской администрации.

В ответ на санкционные меры своей метрополии американцы разработали *контрсанкции*, приняв парламентский акт «Континентальной ассоциации» от 20 октября 1774 г., введившего полный запрет как на покупку английских товаров, так и на продажу американских товаров англичанам. В данном Акте, в частности, провозглашалось следующее: «Мы от своего имени и от имени жителей нескольких Колоний, которых мы представляем, твердо согласны и объединены священными

¹⁶ «Культура отмены» в современной международной политике представляет собой современную форму *остракизма*, когда «государство-изгой» (его история, культура, мировые достижения в науке, искусстве и спорте) как бы вычеркивается из политического дискурса (Chugrov, 2022).

¹⁷ Указ от 18 февраля 1801 г. из Коммерц-Коллегии, вследствие Именного «О запрещении Российским иностранным купцам, торгующим в Российских портах, переводить торговлю на Англинских купцов». Режим доступа: <https://base.garant.ru/55003860> (дата обращения: 02.02.2024).

узами Добродетели, Чести и Любви к нашей Стране устанавливаем: 1. Что с первого дня следующего декабря и после этой даты мы не будем импортировать в Британскую Америку из Великобритании или Ирландии какие бы то ни было товары... 2. Что мы не будем импортировать или покупать никаких рабов... 3. С этого дня мы не будем приобретать или использовать любой чай, завезенный на счет Ост-Индской компании...»¹⁸.

В 1794 и 1809 гг. Конгресс США принял ряд законодательных актов, наделивших президента Республики правом налагать *эмбарго* на все корабли и суда в портах США, а также приостанавливать или ограничивать торговые и коммерческие отношения с другими странами (Malloy, 2001:34). Британо-американские противоречия снова обострились в 1811 г., когда правительство Великобритании ввело санкцию в виде *перехвата американских кораблей* в открытом море, торговавших с Францией, с которой она была в состоянии войны. Реагируя на эти санкции, правительство США ввело *полное эмбарго* с Великобританией, ускорив тем самым начало войны с бывшей метрополией в 1812 г.

В период Наполеоновских войн британцы ужесточили *экономические санкции* против Франции, хотя сама цель полной экономической изоляции Европы, контролируемой Францией, не была полностью достигнута (Jack, 1940), так как французская экономика в значительной степени обеспечивала себя продовольствием и другим сырьем (Alexander, 2009:13). Но сам по себе относительный успех *торгового контроля и блокады* со стороны британцев открывал более широкие возможности для использования экономических санкций в будущем (Doxey, 1980).

В ответ на британские санкции император Наполеон Бонапарт стал первым, кто применил тактику *коммерческой войны* в региональном масштабе. Он ввел так называемую «континентальную блокаду» против Великобритании (Podmazo, 2003), попытавшись изолировать ее от системы международной торговли и ослабить экономику (Clive, 1941:347).

Для развития санкционного права в континентальной системе имел огромное значение изданный 21 ноября 1806 г. «*Берлинский декрет*» Наполеона Бонапарта. Французский император рассчитывал, что в результате торгового эмбарго в Великобритании ускорится инфляция и увеличится долговая нагрузка. «*Всякая торговля и переписка с Британскими островами запрещена. Любые письма и посылки, адресованные в Англию, англичанину или на английском языке, должны быть конфискованы. Каждый подданный Англии, найденный в странах, оккупированных нашими войсками или войсками наших союзников, будет считаться военнопленным. Все товары и имущество, принадлежащие подданным Англии, становятся законной добычей. Торговля английскими товарами запрещается. Ни одно судно, прибывшее непосредственно из Англии или из ее колоний, не должно приниматься ни одним портом. Каждое судно, обманным путем нарушившее этот запрет, будет конфисковано*»¹⁹.

Наполеон предложил своим союзникам поддержать французские санкции. Статья 10 «Берлинского декрета» предписывала: «*Настоящий декрет должен быть передан нашим министром иностранных дел королям Испании, Неаполя, Голландии*

¹⁸ Режим доступа: <https://wwwFOUNDERS.archives.gov/documents/Jefferson/01-01-02-0094> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁹ The “Berlin Decree”, November 21, 1806. Текст см. Режим доступа: <https://www.napoleon.org/en/history-of-the-two-empires/articles/the-berlin-decree-of-november-21-1806> (дата обращения: 03.02.2024).

и Этрурии, и другим нашим союзникам, чьи подданные, как и наши, являются жертвами несправедливости и варварства британской политики». К санкционной войне Наполеона присоединились сначала Дания, Голландия, Италия, Испания, а немного позднее Австрия, Пруссия и Российская империя. Именно с этого времени Великобритания оказалась в полной «континентальной блокаде». Сама же Франция испытала от такой блокады заметный ущерб для торговли и промышленности, что заставило Наполеона ввести *систему лицензирования* на приобретение запрещенных английских товаров.

В течение следующего столетия после завершения Наполеоновских войн тактика морских и торговых блокад применялась несколько десятков раз против различных государств. Инициаторами этой политики чаще всего были Великобритания и Франция, а также периодически Италия, Германия, Австрия и Россия (Терновава, 2015:118).

Но большинство западных государств постепенно ограничивали применение экономических санкций только ситуациями *ведения войны* или особыми чрезвычайными ситуациями (Berman & Garson, 1967:791–792). В то же время были многочисленные случаи «*мирных блокад*», предполагавших применение военно-морских сил для блокирования торговых отношений с прибрежными районами или портами государств, с которым страна – инициатор санкций находилось в состоянии войны.

Первая такая «*мирная блокада*» произошла в 1827 г. во время национально-освободительной борьбы греков за независимость от Турции. Тогда сразу три крупные державы – Великобритания, Франция и Россия, не находившиеся с ней в состоянии войны, подвели свой флот к греческому побережью и блокировали поставки оружия и подкреплений турецким и египетским военным. Хотя эта блокада довольно скоро переросла в открытое морское столкновение «Наваринское сражение», закончившееся разгромом всего турецко-египетского флота.

Такие «мирные блокады» вводились более двух десятков раз против ряда стран Востока и Латинской Америки. Они превращались в инструмент принуждения непокорных государств погасить свои долги, выплатить репарации, уступить в международном споре и т.п. Так, в 1883–1885 гг. Францией были применены санкции против Китая, когда китайский рис был объявлен контрабандой, вследствие чего французы все же получили контроль над аннамской территорией. В период Русско-японской войны санкции наложила Российская империя на целый ряд японских товаров (рис, топливо, хлопок и др.).

На протяжении всего Нового времени в континентальной правовой традиции происходило активное развитие института *экономических санкций*. Они обычно применялись накануне или во время военного противостояния, принимая форму торговых и морских блокад целевой страны и экспортного контроля над стратегическими поставками с целью временной изоляции и давления методами так называемой «*санкционной войны*» (Medlicott, 1952:9).

Формирование международно-правовых основ санкционной политики в современную эпоху

С начала XX века происходит резкая механизация ведения войны, устаревают традиционные методы ведения боя и проч. Военный успех отныне зависел от способности страны эффективно обходить введенную против нее блокаду, эмбарго и

иные меры давления либо опережающего применения своей санкционной политики (Doherty, 1996:21–22). Так, Италия применила против Турции кратковременную блокаду в 1911–1912 гг., вследствие чего итальянцы приобрели османскую Ливию. Вражеские государства в обход экономических эмбарго продолжали вести торговлю через нейтральные или третьи страны, которые не находились в состоянии войны. Поэтому даже нейтральные государства были не в состоянии отгородиться от экономических санкций, сохранив нормальные модели экономической жизни (Alexander, 2009:14).

В результате многие *правила войны* прошлого столетия, регулировавшие блокаду воюющей стороны и «экономическую войну», не подходили под новые условия, став неэффективными в эпоху подводных и воздушных войн, в том числе нормы обычного международного права, которые ранее ограничивали блокаду лишь береговой линией противника и его портами (Elagab, 1998:31–34).

Теперь уже торговая и инвестиционная деятельность граждан и коммерческих структур третьих стран нуждалась в блокировке новых формах контроля, особенно когда они передавали стратегические товары и услуги вражескому государству, способные поддержать его экономику в военное время (Alexander, 2009:15).

Существенный вклад в *международно-правовые основы* санкционной политики внес Устав Лиги наций от 10 января 1920 г. Так, согласно ст. 16 Устава, «если Член Лиги прибегает к войне, вопреки своим международным обязательствам, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Устав, и пресечь финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет».

Устав также регламентировал политику контрсанкций, а именно: «члены Лиги соглашаются, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку при применении финансовых и экономических мер, которые должны быть приняты в силу настоящей статьи, чтобы сократить до минимума могущие проистечь из них потери и неудобства. Они, равным образом, оказывают взаимную поддержку для противодействия всякой специальной мере, направленной против одного из них государством, нарушившим Устав».

Таким образом, Лига Наций начала международно-правовую легитимацию санкционной политики государств. Схожие предписания были закреплены позднее в ст. 41 Устава ООН. Хотя это породило многочисленные споры о правовой природе международных санкций, дискуссию о легальности односторонних ограничительных мер, которые ведутся среди ученых-международников по сей день (Kritsky, 2021).

В период между двумя мировыми войнами XX века была отработана техника «экономической войны» (*economic warfare*) против имперской и затем нацистской Германии. Эта тактика в широком смысле охватывала три средства подавления экономических возможностей немцев – блокада противника, контрпроизводство и наступление в тылу (Medlicott, 1952:130–131). Центральной частью экономической блокады Германии стали *экстерриториальные санкции*, направленные против нейтральных стран, торгующих с Германией и Австрией (Ambrosius, 1952:46–52).

Так, в марте 1915 г. правительство Великобритании объявило о введении всеобъемлющих экономических санкций и *блокаде Германии* в качестве «возмездия за немецкие подводные войны» (Trading with the Enemy Act 1915, § 2–4). Блокада охватила всю немецкую торговлю, игнорируя различия между законными формами и контрабандой. Но усиление блокады было затруднено из-за опасностей досмотра кораблей в открытом море. Проверка нейтрального судоходства проводилась в «контрольных портах», что вызвало значительные задержки судоходства. В итоге британское правительство и его нейтральные торговые партнеры ввели *систему паспортов*, или т.н. *navicerts*, которые представляли собой документы, удостоверяющие нейтральное место назначения товаров²⁰. Они выдавались у источника и устраняли необходимость в дальнейшем досмотре грузов в море (Jack, 1940:93–95; Medlicott, 1959).

Союзные державы рассматривали торговлю Германии с нейтральными странами как экономическую цель первостепенной важности, и поэтому преследовали лиц из третьих стран, торгующих с Германией, что стало важным *экономическим оружием* британского правительства. Английская разведка ввела систему «черных списков» (*system of “blacklisting”*) с именами лиц и организаций из нейтральных и третьих стран, которые подозревались в действиях от имени или в интересах немцев (Medlicott, 1952:15–23). Британское правительство запрещало всякую торговлю с организациями, занесенными в черный список, и не разрешало нейтральным странам реэкспорт товаров британского происхождения таким организациям (Alexander, 2009:15).

Усилия Великобритании по блокаде во время Первой мировой войны также включали межгосударственные соглашения с нейтральными правительствами и торговыми ассоциациями о том, что британские товары не будут реэкспортироваться в Германию и ее союзникам (Tolstopyatenko, Malinovsky & Ageev, 2022:12–24). С этой целью британское правительство ввело следующие *санкционные меры*: ограничение импорта некоторых нейтральных стран, подозреваемых в торговле с Германией; внесение в «черный список» частных лиц или лиц в нейтральных странах, которые подозревались или были известны в связи с врагами и с которыми, следовательно, были запрещены любые сделки; и отказ или угроза отказа от использования английских портовых сооружений для ведения торговли с противником (Alexander, 2009:15).

Постепенно в XX в. прямая морская блокада побережья противника в старом стиле трансформировалась в *новый стиль блокады* на больших расстояниях посредством контроля контрабанды и экстерриториальных санкций против нейтральных государств и их граждан за торговлю с врагом (Guichard, 1930:28–32).

Подобный пример дает нам Закон США «О торговле с врагом» 1917 г., согласно § 2 которого «*врагом*» признавалось «*любое физическое лицо, партнерство или иная группа физических лиц любой национальности, проживающие на территории (включая ту, которая занята военными и военно-морскими силами) любой страны, с которой Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, или проживающие за пределами Соединенных Штатов и ведущие бизнес на такой территории, и любая корпорация, зарегистрированная на такой территории любой страны, с которой*

²⁰ *Нависерт* (англ. *navicert*; от лат. *nāvi* – «корабль» + *cert* – «сертификат») – это документ, выдаваемый представителем воюющей стороны в нейтральной стране, равнозначный судовому паспорту, обладание которым гарантировало, что при отсутствии подозрительных обстоятельств судну будет разрешено движение по своему дальнейшему маршруту (Hugh, 2000).

Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, а также правительство любой страны, с которой Соединенные Штаты находятся в состоянии войны».

По мнению американских правоведов, этот Закон стал основанием для появления т.н. «санкционирующего государства», которое обозначает государство, которое активно использует санкции в отношении «санкционируемого государства» как особый инструмент своей внешней политики (Morgan, et al., 2014:548).

В рамках санкционной политики национальное законодательство налагало запрет на любые товары и услуги (зерно, нефть, технологии и т.д.) враждебных государств. В 1930-е гг. страны Запада ввели «золотую блокаду» против Советского Союза, когда перестали принимать с 1925 г. золото в качестве оплаты за поставки оборудования, требуя за него советскую нефть, зерно и лес (Терновава, 2015:118). Спустя три года США, а затем Великобритания, Франция и др. приняли *протекционистские меры* против советского экспорта, введя *эмбарго* на ввоз всех товаров из СССР, кроме зерна. Советское правительство ответило *введением контрмер* посредством сокращения заказов и закупок в антисоветских странах, ограничений на транзит и прекращение транспортных услуг на территории этих стран.

Новым методом в санкционной политике становятся т.н. «секторальные санкции», задача которых состояла в ослаблении могущества противника путем воздействия на конкретный сектор в его экономике, промышленности, финансах и др. Так, в 1939 г. в ответ на нанесение авиационного бомбового удара по Финляндии во время Советско-Финской войны США применили «моральное эмбарго», полностью запретив поставки любых материалов и технологий для авиационной промышленности СССР.

Во время Второй мировой войны правительства США и Великобритании приняли специальное законодательство об экспортном контроле и блокировании активов стран Оси «Берлин–Рим–Токио» (гитлеровская коалиция), и координировали принятие в других странах похожих законов о торговле с противником (Domke, 1947:24–51).

В послевоенный период стала формироваться разновекторная система экономических и финансовых ограничений против *коммунистических блока стран* и других «вызывающих озабоченность», по мнению США, государств и террористических организаций (Malloy, 2001:39–46; Fitzgerald, 1999:73–90).

В годы «Холодной войны» санкционная политика становится востребованной как средство достижения геополитических интересов, что приводит к усовершенствованию и детализации методов применения санкций. Так, в США ставились задачи введения наиболее *жестких форм репрессалий*, таких как экономический бойкот, торговое эмбарго и полноценная «экономическая война».

Приведем пример, когда в ответ на Указ в СССР 1972 г. о том, что имеющие высшее образование эмигранты будут обязаны оплатить затраты советского государства на их обучение в вузах, Конгресс США принял *поправку Джексона-Веника* 1974 г. (Терновава, 2015:120). Она предусматривала дискриминационные тарифы и сборы в отношении товаров, импортируемых из стран с нерыночной экономикой, а также запрещала режим наибольшего благоприятствования в торговле и предоставления госкредитов тем странам, которые серьезно ограничивают или нарушают права граждан на эмиграцию.

Параллельно к Закону США «О торговле с врагом» 1917 г. принимались важные дополнения, в том числе для расширения дефиниции «врага», под которым стали пониматься любые лица и правительства, действия которых противоречат интересам США и «основам демократии». Президент США получил правомочие осуществлять санкционную политику в отношении «врагов Америки и демократии» в любой части земного шара. В результате чего американские санкции получили законодательно закрепленный *экстерриториальный характер*. Оперативное управление конкретными санкционными мерами осуществляется Президентом, который на основе подзаконных актов (исполнительных приказов и ордонансов) давал указания соответствующим органам «замораживать» банковские счета, арестовывать активы, остановить торговлю с враждебным государством, ввести «заградительные» пошлины и иные торговые барьеры в отношении «противников демократии», а также высылать послов и консулов недружественных стран.

В Новейшей истории США правовой основой санкционной политики стал «Закон о национальной безопасности» 1947 г., а также регулярно обновляемая «Стратегия национальной безопасности». На основе данных документов и формировалась *агрессивная санкционная политика*, направленная на ослабление потенциальных геополитических, военных и экономических конкурентов США, а также минимизацию любых угроз национальной безопасности. Она стала практической реализацией закрепленной в вышеуказанных документах концепции «*превентивной защиты*», которая означает, что американское правительство нацелено эффективно предотвращать любые *потенциальные угрозы* еще до их возникновения, для чего идеальным инструментом являются различного рода санкции.

Учрежденный в 1949 г. Координационный комитет (*Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom*) из 17 государств-членов блока НАТО, а также Исландии и Японии, получил право осуществлять контроль за всем экспортом в социалистические страны (Mastanduno, 1992). Он продвигал свою стратегию «контролируемого технологического отставания», в рамках которой разрешалось продавать в социалистические страны какую-либо технику и технологии не раньше, чем *через четыре года* после их серийного выпуска в западных странах (Терновава, 2015:119). КОКОМ обновлял специальные списки запрещенных товаров для государств Восточного блока, с целью предупреждения продаж передовой техники и технологий, пересматривая их ежегодно примерно на четверть (Yasuhara, 1991:4). В 1991 г. Комитет частично отменил ограничения на поставку товаров в СССР и соцстраны Восточной Европы, а спустя еще три года прекратил свою деятельность полностью (Noehrenberg, 1995). Однако его санкционная стратегия «контролируемого технологического отставания» нашла свое отражение в современной санкционной политике ряда западных государств.

В 1980-е гг. Государственный департамент США, руководствуясь законодательством о национальной безопасности, начал публиковать списки «террористических государств» и «государств-спонсоров терроризма». В первый такой список попали Ирак, Сирия, Ливия и Южный Йемен. Позднее в законодательных актах, политических документах и международно-правовых доктринах США такие государства стали именоваться «*государства-изгои*» («*rogue state*»), или «государства вне закона»²¹.

²¹ Sadiki L. Rogue states. Griffiths M. Encyclopedia of international relations and global politics. 2013. Routledge. pp. 742–745.

Были утверждены следующие критерии попадания в такого рода, по сути, *санкционные списки государств*: правление авторитарных или тоталитарных режимов, грубые нарушения прав человека, спонсирование террористических организаций, стремление распространить оружие массового уничтожения и др. Признаки «государств-изгоев» постоянно уточнялись и расширялись в стратегиях национальной безопасности США. Однако главным критерием таких подсанкционных стран оставалась *враждебность* по отношению к США, отказ от признания американской гегемонии в мире (Gorshkov, 2012).

Таким образом, американцы пытались установить «особый правовой режим» полной изоляции недружественных государств, принуждая другие страны придерживаться американской санкционной политики. В 1982 г. Президент Р. Рейган подписал Директивы по защите национальной безопасности (*National Security Decision Directive*) № 32 и № 66 (под грифом «секретно»), в которых регламентировался целый пакет санкционных мер, направленных на экономическое и геополитическое ослабление Советского Союза. В то время строился газопровод «Уренгой – Помары – Ужгород», который, по мнению США, мог усилить роль СССР в Восточной Европе, а также увеличить зависимость экономик Западной Европы от дешевого советского газа²². В другой Директиве 1983 г. предписывалось: «Политика США в отношении экономических отношений с СССР должна служить стратегическим и внешнеполитическим целям, а также экономическим интересам Америки. В этом контексте целями США, прежде всего, являются обеспечение того, чтобы экономические отношения между Востоком и Западом не способствовали наращиванию военной мощи СССР. Это требует предотвращения передачи технологий и оборудования, которые прямо или косвенно внесли бы существенный вклад в советскую военную мощь»²³.

Отличительной чертой правовых основ санкционной политики США и их государств-сателлитов было агрессивное информационно-идеологическое сопровождение. В риторике санкционной пропаганды и оправдания изоляционизма для своих врагов президент Р. Рейган навесил на Советский Союз ярлык «империи зла» (*evil empire*), якобы противостоящей всему свободному миру, насаждающей идеалы коммунизма и угрожающей применением атомного оружия. Президент США призвал западные государства сплотиться против СССР, разумеется, под американскими знаменами и объединить усилия для развала советской империи.

С тех пор санкционная политика США в отношении любого государства сопровождается агрессивной пропагандистской риторикой (Pashentsev, 2018). С развитием средств массовой коммуникации информационная война и *санкционные прокси-войны* стали неотъемлемой частью американской внешней политики.

Заключение

Предпринятый нами краткий сравнительно-исторический обзор правовых основ санкционной политики в ретроспективном аспекте позволяет сделать следующие выводы.

²² U.S. National Security Strategy (NSC-NSDD-32). Режим доступа: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-032.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

²³ U.S. National Security Decision Directive 75 (1983). Режим доступа: <https://alphahistory.com/coldwar/national-security-decision-directive-75-1983> (дата обращения: 05.02.2024).

1. Возникновение института санкционной политики стало закономерным итогом государственно-правового развития в условиях жесткой межгосударственной конкуренции и подтверждения собственного экономического суверенитета. На самых ранних этапах эволюции государств у каждого из них появилась необходимость отстаивать свою территориальную целостность и геополитические интересы не только военными, но и любыми другими ограничительными мерами (экономическими, торговыми и др.), применяемыми в отношении друг друга и позволяющими существенно ослабить могущество стратегического противника.

2. Санкционная политика постепенно трансформировалась в контексте военного, экономического и идеологического противоборства государств в институциональную стратегию наложения на «враждебное государство» (или «государство-мишень») различных экономических, политических, торговых, организационных, юридических ограничений с целью его принуждения к изменению своих геополитических, военных, экономических или социально-культурных приоритетов в пользу государства, наложившего санкции.

3. С историко-теоретической точки зрения и в контексте теории международной правосубъектности государства институт санкционной политики и контрсанкционных мер следует рассматривать как необходимый элемент механизма осуществления внешних функций суверенного государства.

4. Постепенное усложнение механизма и формы государства и его международных отношений детерминировало зарождение правовых основ санкционной политики сначала в отдельных государствах, затем в их союзах и на международной арене.

5. К основным инструментам санкционной политики государств можно отнести такие меры, как эмбарго, морская блокада, репрессалии, «черные списки», невоенные принудительные меры, протекционизм, флибустьерство и каперство, коммерческие войны, лицензирование товаров, разрыв торговых и финансовых отношений, секторальные санкции и др.

6. Необходимость применения множества санкционных инструментов повлекла за собой разработку специальных источников их правового регулирования, начиная от отдельных устных распоряжений монарха, затем указов и ордонансов глав государств и заканчивая обширным санкционным законодательством парламентов и международных организаций.

7. Претворение на практике международного принципа взаимности привело к появлению институту контрсанкций, или ответных мер государства, в отношении которого были наложены санкции, и как закономерный результат – к «войне санкций».

Несмотря на древность своего происхождения и богатую историю, «санкционное право» все еще является новым исследовательским трендом для российской юридической науки. Думается, что изучение данного феномена должно быть продолжено как общетеоретическими, так и отраслевыми юридическими науками. Современным исследователям следует учитывать, что «новые санкции» – это по своей юридической природе веками отработанные разновекторные ограничительные меры, которые уже давно превратились в неотъемлемый элемент внешней политики ведущих государств мира. Но ни одна страна в истории не справлялась так эффективно с мощным *санкционным ударом*, который был нанесен не так давно по современной России.

References / Список литературы

- Alexander, K. (2009) *The Origins and Use of Economic Sanctions*. In: *Economic Sanctions*. Palgrave Macmillan, London. pp. 8–29. https://doi.org/10.1057/9780230227286_2
- Ambrosius, L.E. (1991) *Wilsonian statecraft: theory and practice of liberal internationalism during World War I*. Wilmington DE, Scholarly Resources.
- Ammer, Ch. (ed.). (1997) *The American Heritage Dictionary of Idioms*. Boston, MA.
- Andokid (1996) *Speeches, or the history of the sacrileges*. Trans. Frolova, E.D. Saint Petersburg, Aletheia Publ. (in Russian).
Андокид. Речи, или История святотатцев / пер., и коммент. Э.Д. Фролова. Санкт-Петербург : Алетейя, 1996. 249 с.
- Aristophanes (1983) *Comedies: in 2 vols. Vol. 1. Translation from ancient Greek. Commentary from Yarkho, V.* Moscow, Iskusstvo Publ. (in Russian).
Аристофан. Комедии : в 2 томах. Т. 1 / пер. с древнегреч.; коммент. В. Ярхо. М. : Искусство, 1983. 440 с.
- Bäder, C. & Bangerter, O. (2001) *Kappeler Kriege 1529/1531: Kampf um Vorherrschaft und Souveränität, ums Wort und den wahren Glauben*. Bern, BBL, EDMZ.
- Bakaldina, E.V. (2016) Departments, services and positions in the household of Edward IV. In: *Royal court in England of the 15th–17th centuries*. Saint Petersburg, pp. 47–109. (in Russian).
Бакалдина Е.В. Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / ред. и сост. С.Е. Федоров. СПб., 2011. С. 47–109.
- Berman, H.J. & Garson, J.R. (1967) United States Export Controls – Past, Present and Future. *Columbia Law Review*. 67(5), 791–890.
- Bonaini, F. (ed.). (1854) *Statuti inediti della città di Pisa dal XII al XIV secolo*. Firenze, Presso G.P. Vieusseux.
- Bradbury, J. (1992) *The Medieval Siege*. Suffolk, The Boydell Press.
- Brière, J. de la. (1928) L'évolution de la doctrine et de la pratique en matière de représailles. *Rec. des Cours de l'Acad. de La Haye*.
- Busheneva, Yu.I. (2015) The trade embargo as an instrument of state foreign policy and foreign trade regulation. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 6(3), 17–27. (in Russian).
Бушенева Ю.И. Торговое эмбарго как инструмент государственного внешнеэкономического и внешнеполитического регулирования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 6. № 3. С. 17–27. EDN UQCJJ.
- Butkevich, O.V. (2008) *At the Origins of International Law*. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ. (in Russian).
Буткевич О.В. У истоков международного права. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. 879 с.
- Chugrov, S.V. (2022) Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots. *Polis. Political Studies*. (5), 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>. EDN XZKDRO. (in Russian).
Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>. EDN XZKDRO.
- Clive, D. (1941) *A History of Commerce*. New York, Longman's.
- Domke, M. (1947) *The Control of Alien Property*. New York, Central Book Co.
- Doxey, M.P. (1980) *Economic Sanctions and International Enforcement*. London, Basingstoke, Macmillan.
- Doxey, M.P. (1996) *International Sanctions in Contemporary Perspective*. London, Palgrave Macmillan.
- Dzhivelegov, A.K. (1902). *Medieval cities in Western Europe*. Saint Petersburg, Brockhaus-Efron Publ. (in Russian).
Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1902. 248 с.

- Elagab, O.Y. (1998) *The Legality of Non-Forcible Countermeasures in International Law*. Oxford, Oxford University Press.
- Fitzgerald, P. (1999) "If Property Rights Were Treated Like Human Rights, They Could Never Get away with This": Blacklisting and Due Process in U.S. Economic Sanctions Programs. *Hastings Law Journal*. 73(1), 73–189.
- Foligno, C. (1922) Review of Pietro Silverio Leicht, Parlamento Friulano (1228–1331). *The English Historical Review*. (37), 576–579.
- Giovannini, A. (1993) Greek Cities and Greek Commonwealth. In: Bulloch, A.W. (ed.). *Images and ideologies : self-definition in the Hellenistic world*. Hellenistic culture and society. Berkeley : University of California Press.
- Gorshkov, A.V. (2012) Ideological justification for the concept of "Rogue States" in theory and practice. *Gaps in Russian legislation*. (2), 266–269. (in Russian).
Горшков А.В. Идеологическое обоснование концепции «Государств-изгоев» в теории и на практике. Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 266–269.
- Grewe, W.G. (ed.). (1988) *Fontes Historiae Iuris Gentium. Sources relating to the History of the Law of Nations*. Vol. I. Berlin, New York, Walter de Gruyter.
- Guarini, G.B. (1910) *Le rappresaglie in tempo di pace*. Roma, Società Cartiere Centrali.
- Guichard, L. (1930) *The Naval Blockade*. New York, Appleton & Co.
- Hugh, R. (2000) *The "navicert" System During the World War*. W.S. Hein & Company.
- Jack, D.T. (1940) *Studies in Economic Warfare*. London, P.S. King.
- Khlevov, A.V. (2005) *Naval Wars of Rome*. Publishing house of Saint Petersburg. (in Russian).
Хлевов А.В. (2005) Морские войны Рима. СПб. : изд-во С.-Петербур. ун-а, 2005. 494 с.
- Kolodkin, A.L. (1963) Naval blockade and modern international law. *Soviet state and law*. No. 4. (in Russian).
Колодкин А.Л. Морская блокада и современное международное право. Советское государство и право. 1963. №4. С. 92–103.
- Kritsky, K.V. (2021) Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law: Candidate of Legal Sciences dissertation. Moscow, MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia. (in Russian).
Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГИМО МИД России. 2021. 226 с.
- Lafargue, S. (1898) *Les représailles en temps de paix*. Paris, Rousseau.
- MacDonald, B.R. (1983) *The Megarian Decree*. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Franz Steiner Verlag. 32(4), 385–410.
- Malloy, M.P. (2001) *United States Economic Sanctions. Theory and Practice*. London, Boston, Kluwer Law International.
- Mas Latrue, R.M.L. (1875) *Du droit de marque ou du droit de repressailles*. Paris, Baur.
- Mastanduno, M. (1992) *Economic containment: CoCom and the politics of East-West trade*. N.Y., Cornell University Press.
- Medlicott, W.N. (1952) *The Economic Blockade*. London, Longman's, Green & Co.
- Mertes, K. (1981) The Liber Niger of Edward IV: A New Version. *Bulletin of the Institute of Historical Research*. 54(129), 29–39.
- Mikhailovsky, M.K. (1963) International arbitration. Kyiv, Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. (in Ukrainian).
Михайловський М.К. Міжнародний арбітраж. Київ : Вид-во Акад. наук УРСР, 1963. 155 с.
- Miller, J.C. (1962) *Origins of the American Revolution*. Boston, Little Brown.
- Mitina, S.I. (2008) Formation and development of the mechanism of legal regulation of interstate relations in the Hellenistic world, IV–I centuries. BC: Abstract of the Doctor of Legal Sciences dissertation. Moscow, Moscow State Law Academy. (in Russian).
Митина С.И. Формирование и развитие механизма правового регулирования межгосударственных отношений в эллинистическом мире, IV–I вв. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Моск. гос. юрид. акад. 44 с.

- Morgan, T., Barat, N. & Kobayashi, Y. (2014) Threat and Imposition of Economic Sanctions. *Conflict Management and Peace Science*. (5), 548–550. <https://doi.org/10.1177/0738894213520379>
- Naguchev, M.M. & Bolik, A.V. (2018) Economic wars of Antiquity. Scientific works of Kuban State Technical University. (6), 250–258. (in Russian).
Нагучев М.М., Болук А.В. Экономические войны Античности // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды Кубанского ГТУ». 2018. № 6. С. 250–258. EDN XVLAIH.
- Noehrenberg, E.H. (1995) *Multilateral export controls and international regime theory: the effectiveness of COCOM*. Sinzheim, Pro Universitate Verlag.
- Norwich, J.J. (1982) *A History of Venice*. N.Y., Alfred A. Knopf.
- Nys, E. (1894) *Les origines du droit international*. Bruxelles, Alfred Castaigne; Paris, Thorin & Fils.
- O'Brien, C.C. (1997) *Edmund Burke*. New York, Sinclair-Stevenson.
- Pashentsev, E.N. (2018) “The Law on Combating America’s Adversaries through Sanctions” in the context of strategic information and psychological warfare. *Public administration. Electronic newsletter*. (66). (in Russian).
Пащенко Е.Н. «Закон о борьбе с противниками Америки через санкции» в контексте стратегической информационно-психологической войны. Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. 66. С. 23–43.
- Pericles. (1973) *History of the Peloponnesian War*. Transl. by R. Warner. Penguin Books.
- Pertz, G.H. (ed.). (1837) *MGH – Monumenta Germaniae Historica. Leges*. Vol. II. Hannoverae. Stuttgart, Kraus Reprint.
- Podmazo, A.A. (2003) The Continental Blockade as an Economic Cause of the War of 1812. In: *The era of 1812. Research. Sources. Historiography*. Moscow, State Historical Museum (SHM). Part II. Vol. 137. pp. 249–266. (in Russian).
Подмазо А.А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М. : Государственный Исторический музей (ГИМ), 2003. Ч. II. Вып. 137. С. 249–266.
- Quaß, F. (1971) *Nomos und Psephisma. Untersuchung zum griechischen Staatsrecht*. München, C.H. Beck.
- Sheinman, M.M. (1959) *Папачу*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (in Russian).
Шейнман М.М. Папачу. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 210 с.
- Simons, G.L. (1999) *Imposing Economic Sanctions: Legal Remedy or Genocidal Tool?* London, Pluto Press.
- Stadter, Ph.A. (1984) Plutarch, Charinus, and the Megarian Decree. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 25(4), 351–372.
- Strogetsy, V.M. (1984) Ancient tradition about the causes of the Peloponnesian War and the attitude towards it in modern Western European historiography. *Bulletin of ancient history*. (4), 114–123. (in Russian).
Строгетский В.М. Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней в современной западноевропейской историографии // Вестник древней истории. 1984. №4. С. 114–123.
- Strupp, K. (1925) Das Repressalienrecht. *Wörterbuch des Völkerrechts*. II, 348–350.
- Surikov, I.E. (1997) The Attempt at Trade Sanctions in Classical Greece: Pericles’ Megarian Psephism and Its Consequences. *Trade and the Trader in the Ancient World: Reports of the Round Table, Moscow, January 29, 1997*. pp. 87–101. (in Russian).
Суриков И.Е. Попытка торговых санкций в классической Греции: Мегарская псефизма Перикла и ее последствия // Торговля и торговец в античном мире: доклады «Круглого стола», Москва, 29 января 1997 г. С. 87–101.

- Ternovaya, L.O. (2015) Geopolitical determinism of economic sanctions. *Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies*. 1(26), 117–126. EDN TXHNJX. (in Russian).
Терновая Л.О. Геополитическая детерминированность экономических санкций // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2015. № 1(26). С. 117–126. EDN TXHNJX.
- Tolstopyatenko, G.P., Malinovsky, A.A. & Ageev, S.S. (2022) Legal basis of UK sanctions policy. *Comparative Politics Russia*. 13(1–2), 12–24. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-12-24> (in Russian).
Толстопятенко, Г.П., Малиновский, А.А., Агеев, С.С. Правовые основы санкционной политики Великобритании // Сравнительная политика. 2022. № 13(1–2). С. 12–24. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-12-24>
- Walker, T.A. (1899) *A history of the law of nations*. Vol. I. From the earliest times to the peace of Westphalia, 1648. Cambridge, University Press.
- Yasuhara, Y. (1991) The myth of free trade: the origins of COCOM 1945–1950. *Japanese Journal of American Studies*. (4), 127–148.

Сведения об авторах:

Малиновский Алексей Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения, международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; 119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76

ORCID: 0000-0002-2376-0956

e-mail: Dr.malinovsky@yandex.ru

Триkoz Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; 119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76; доцент, кафедра публичной политики и истории государства и права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент, кафедра международного права, Дипломатическая академия МИД России; 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

ORCID: 0000-0001-7331-480X

e-mail: alena_trikoz@mail.ru

About the authors:

Alexey A. Malinovsky – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law, MGIMO University; 76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2376-0956

e-mail: Dr.malinovsky@yandex.ru

Elena N. Trikoz – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, MGIMO University; 76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 53/2, build. 1, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7331-480X

e-mail: alena_trikoz@mail.ru